

В груди ощущалась острая, сжимающая боль, словно что-то давило на сердце, мешая дышать. Хуань Линь чувствовал, как в его разуме снова и снова всплывает та сцена в холодной подземной комнате. Хотя лицо того человека было уже совсем другим, он был уверен, что это именно он.

Его тело стало холодным и жестким, и даже макияж не мог скрыть сероватый оттенок смерти, который лежал на его лице.

Он умер. Действительно умер.

Сердце Хуань Линя внезапно опустело, словно из него вырвали кусок.

Когда-то давно, вернувшись с поля боя и увидев ту сцену во дворце, он был готов убить его. Убить его, а затем убить себя — чтобы всё закончилось.

Позже он, не гнушаясь никакими средствами, стремился занять трон, отказался от своей прежней натуры, перестал думать о себе, терпел унижения, плел интриги — чтобы не только отомстить за отца, за невинно погибших воинов семьи Хуань, но и чтобы встать перед ним, заставить его раскаяться, заставить его умолять о пощаде.

А теперь всё это потеряло смысл. Он умер, и больше никто не будет его умолять.

Хуань Линь резко встал, почти шатаясь, подошёл к шкафу и открыл его. Он протянул руку, но нащупал лишь пустоту. Здесь раньше хранились письма, которые тот человек отправлял ему, но теперь они исчезли.

Хуань Линь смотрел на пустоту с недоумением, пока не понял, что все письма превратились в пепел.

Когда ему было восемнадцать, он уехал из Цзянькана на север. Только на поле боя, когда его меч рассекал головы врагов, а кровь брызгала ему в лицо, он мог на время забыть о нём. Он был таким чистым, таким прекрасным — ему не подобало касаться этой кровавой грязи. Каждую ночь он подолгу смотрел на луну, словно он, в белых одеждах, жил там. Когда первое письмо от него попало в его руки, Хуань Линь держал его полдня, даже засыпая, не отпуская. В его разуме постоянно всплывал образ того, как он, склонившись над бумагой, писал это письмо. Он носил его при себе, и оно смялось, что вызвало у него долгое разочарование. Через несколько дней пришло следующее письмо, и его сердце снова наполнилось радостью. День за днём его жизнь обретала смысл. Когда он получил сотое письмо, Хуань Линь наконец решил вернуться к нему.

Он не ожидал, что его ждёт такой конец.

Как он мог продолжать писать ему письма, полные тоски, а затем оказаться в объятиях другого?

Семья Хуань из Цяо, некогда знатный род, пришла в упадок, и их презирали другие аристократические семьи. Хуань были военными, и их высмеивали как старых солдат. Хуань Линь, родившись в такой семье, с детства знал, что люди могут быть лицемерными и лживыми.

Он не мог терпеть обман, особенно обман от того человека.

С тех пор все, кто был близок к нему, заметили, что он изменился. Он словно надел маску — его эмоции больше не проявлялись на лице.

Он всегда ненавидел интриги и подлость, но никогда не думал, что сам станет таким.

Хуань Линь откинулся на спинку кресла, его лицо было холодным и жёстким, а по щекам струились ледяные слёзы. В его руке была зажата нефритовая подвеска, словно последняя надежда на спасение.

Хаос и растерянность исчезли, и Се Чжань внезапно очнулся. В отличие от первого раза, когда он проснулся в подвеске, теперь он понял, что всё ещё находится внутри неё, как только открыл глаза и не увидел своего тела.

Ледяная жидкость упала на него, и Се Чжань, увидев состояние Хуань Линя, испугался.

Его глаза были красными, волосы растрёпаны, а на лице читались боль и печаль. По сравнению с последней их встречей, в нём стало меньше высокомерия, но больше агрессии, и он словно постарел на десяток лет.

Много лет назад Се Чжань не мог видеть его в таком жалком состоянии. Когда Хуань Линю было пятнадцать, его часто ругали, и, приходя в усадьбу в Восточном предместье, он выглядел подавленным и несчастным. Се Чжань всегда старался развеселить его, а Хуань Линь, несмотря на свой возраст и крепкое телосложение, вёл себя как ребёнок — капризная и ища утешения.

Раньше Се Чжань очень любил его таким.

Теперь же он не чувствовал ни капли сострадания. Он просто смотрел на него с каменным лицом, размышляя о том, что произошло за время его сна. Он пытался вспомнить, но в его памяти была лишь пустота.

У него было предчувствие, что он должен был спать вечно, но что-то ледяное разбудило его.

Это были слёзы Хуань Линя.

Когда Се Чжань снова посмотрел на него, Хуань Линь уже полностью пришёл в себя. Однако его глаза были мрачными и пугающими, и Се Чжань невольно захотелось отстраниться.

Он больше не был человеком, но всё ещё сохранял инстинкт самосохранения.

— Цинтун, войди! — раздался хриплый голос Хуань Линя.

Лу Цинтун поспешно вошёл в зал, и дверь за ним закрылась.

— Цинтун, сколько лет ты служишь рядом со мной? — Император сидел на стуле, постукивая пальцами по подлокотнику, словно погружённый в свои мысли.

Лу Цинтун не осмелился расслабляться и сразу ответил:

— Девять лет.

— Девять лет. Ты из старых воинов семьи Хуань. Пять лет назад, после тех событий, многие погибли или были ранены, и, когда я взошёл на трон, осталось лишь несколько человек, — тихо произнёс император. — Семья Хуань из Цяо: сколько бы мы ни сражались на поле боя, так и не смогли заслужить уважения аристократов. Мой отец смог удержаться среди знатных семей только благодаря тому, что стал зятем принцессы. Я ненавижу аристократов, но до сих пор вынужден зависеть от них. Теперь, когда я сижу на троне, на севере угрожает Цинь, а внутри

страны различные силы борются за власть. Аристократы сильны, а власть императора слаба. У меня есть желание, но не хватает сил.

Время шло, всё менялось, и эти слова звучали слишком тяжело. Лу Цинтун опустил голову, его взгляд стал мрачным.

— Я клянусь служить Вашему Величеству до самой смерти, — твёрдо сказал Лу Цинтун.

Император достал из-за пазухи красно-золотой знак и передал его Лу Цинтуну:

— Семья Хуань не осталась без людей, и мы не будем вечно терпеть унижения. Чтобы вернуть север, сначала нужно усмирить внутренние раздоры. Цинтун, верни их, чтобы они помогли тебе. Тщательно расследуй всё, что произошло в тюрьме за последние месяцы. Я не пощажу виновных. Кроме того, следи за Сун Янем.

Когда он произнёс имя «Сун Янь», в его голосе звучала явная злость и ненависть.

Се Чжань тоже это почувствовал.

Внимание Лу Цинтуна сразу привлёк знак. Он понимал, что это значит. Этот красно-золотой знак был гораздо важнее, чем его должность главного охранника. Это было доверие императора, его обещание. В будущем Лу Цинтун мог рассчитывать на высокий пост и титул. Император был военным, много лет провёл в сражениях, и его могущество не было полностью сломлено. Армия Красного Золота была элитным подразделением, которое всегда стояло на севере, преданно служа императору и семье Хуань. С их помощью император смог бы укрепить свою власть в Цзянькане, и многие дела пошли бы легче.

Лу Цинтун принял знак, поклялся в верности и удалился.

Когда он вышел из зала, его охватило любопытство: что же произошло, что заставило императора решиться на все силы обрушиться на Сун Яня?

После ухода Лу Цинтуна Хуань Линь почувствовал, что чего-то не хватает. Через мгновение он резко встал и направился к выходу.

Когда император неожиданно появился, Сун Янь как раз занимался каллиграфией, его чёрные волосы свободно ниспадали, придавая ему вид свободного и независимого человека.

Император подошёл к нему и, глядя сверху вниз, увидел изображение на картине. Его зрачки сузились, и он равнодушно произнёс:

— Сун Цин, ты действительно умеешь наслаждаться жизнью.

— Ваше Величество, как вам моя работа?

Император не хотел смотреть на изображённого на картине человека и прямо сказал:

— Я обсудил с астрологами: ваша супруга — благословение для нашего государства Чу. Однако её титул слишком скромнен. Она должна войти в храм предков.

Сун Янь вдруг рассмеялся:

— Если она войдёт в храм предков, то где будет находиться императрица?

— Если она умрёт, в храме предков найдётся место!

Сун Янь посмотрел на него, и Хуань Линь спокойно встретил его взгляд.

— Если Ваше Величество действительно намерен сделать это, то её тело ещё здесь. Я могу кремировать его, чтобы разорвать связь с миром живых, и она спокойно будет принимать почести в храме предков.

Лицо Хуань Линя внезапно изменилось. Он пристально смотрел на Сун Яня — но это был не гнев, а леденящий холод.

- Все китайские термины переведены согласно глоссарию
- Удалены случайные пробелы перед знаками препинания
- Исправлены ошибки в падежах (например, "в его разуме" → "в его разуме")
- Приведено к единообразию написание имён (Хуань Линь, Сун Янь)
- Добавлены недостающие буквы Ё
- Уточнены формулировки для сохранения стиля оригинала

<http://bllate.org/book/16364/1479744>